

PSYCHOLOGY

Сознание как проблема психологической науки

В. В. Агеев

Университет Кайнар, Алматы Республика Казахстан
Corresponding author. E-mail: ageyev@mail.ru

Paper received 10.08.17; Accepted for publication 15.08.17.

Аннотация. В статье обсуждается проблема генезиса сознания как сущностной характеристики человека. Опираясь на интерпретированную концепцию хиломорфизма (Аристотель) и теорию изменений (Пригожин), делается предположение, что материя, предметный мир изначально способны к самоорганизации и самоформированию. Делается вывод о том, что, в отличие от точки зрения Платона и Аристотеля, материя, предметный мир в результате самоформирования способны к порождению как своей первосущности (генетически исходного отношения формы и материи), так и сущностей более высокого порядка. На основании этого делается вывод о том, что сознание человека есть отношение идеальной и реальной форм предметной деятельности и представляет собой сущность предметного мира высшего порядка.

Ключевые слова: сознание, самоформирование, первоформа, генетически-исходное отношение, хиломорфизм.

Введение Отсутствие приемлемой теории сознания в философии и психологии связано, на наш взгляд, с ошибочным подходом. Попытка понять сознание как *отношение к предметному миру* (гносеологически) порождает много проблем. В том числе, никак не удаётся установить природный источник происхождения сознания. Кроме того, возникает много очень спорных концепций качественного неразличения животного и человека. С этой точки зрения, отрицается историческая специфика человека, которому, как и животному, приписывается адаптивный характер существования. И самое может быть важное, невозможно преодолеть грань противопоставления естественного и искусственного в человеке, несмотря на то, что мало кто станет спорить с тем, что человек есть продукт природы, природное существо. Более распространённой является утверждение социально-биологической природы человека. Причём, связь биологического и социального в человеке установить не удаётся.

На наш взгляд, решение проблемы может быть найдено с онтологической точки зрения, рассмотрев сознание как внутреннее (онтологическое), отношение *внутри* самого предметного мира. Такой подход позволяет установить генетическую связь сознания как онтологического внутреннего отношения человека с внутренним сущностным отношением самого предметного мира.

Человек как научная проблема Некоторые известные учёные считают, что «... человечество в целом переживает сейчас некий переходный период...» [1, с.62]. И с этой точкой зрения нельзя не согласиться. На наш взгляд это означает, что наступил момент, когда идея адаптации исчерпала себя как объяснительный принцип человеческого существования. Настоятельно требуется научное объяснение происхождения человека, способного порождать формы собственного существования точно так же, как природа порождает свои формы существования: «... **ФОРМА** (лат. forma) – способ организации и способ существования предмета, процесса, явления...» [2, с.383].

Современные теории человека не могут помочь в решении этой проблемы, поскольку исходят из предположения, что формы своего существования человек приобретает извне, как внешние для себя продукты чей-то деятельности. К сожалению, все более или менее известные системы образования основаны на этом предположении.

В качестве источника, откуда индивидуальный человек черпает свои формы, в лучшем случае выступают социум или культура. В худшем – наследственность: «... Современный человек находит абстрактную форму готовой, усилие понять и усвоить её является в большей степени непосредственной движущей силой...» [3, р.77].

Поскольку и культура, и социум, и генетика выступают для человека как внешние факторы, в конечном итоге, возникает парадокс. Вместо того, чтобы стать источниками развития возможностей человека, они становятся его пределами и границами, преодолеть которые сам индивидуальный человек не в состоянии. Но поскольку человек есть продукт природы и несёт на себе её главную способность – способность самоформирования, т.е. способность порождать свои новые формы как свои новые возможности, то возникает *первая проблема*: «... поскольку окружающий нас мир никем не построен, перед нами возникает необходимость дать такое описание его..., которое объясняло бы процесс самосборки...» [1, с.47].

Решение первой проблемы позволит решить *вторую проблему*: несмотря на то, что в истории человек выступает как субъект, порождающий конкретно-исторические формы своей социально-культурной среды; в социуме он является объектом, формируемым социально-культурной средой. И здесь интересным, на наш взгляд, является мнение о наличии психологической проблемы: «... главные язвы мироустройства... : распространение методик *направленного изменения психики и поведения человека*...» [4, с.15].

Исходя из этих трёх проблем, мотивом для написания настоящей статьи послужила необходимость решения психолого-педагогической проблемы воспитания человека, способного порождать формы собственного существования, а через такое самопорождение, порождать социально-культурную среду. То есть, необходимость воспитания человека, способного преодолевать любые естественные и социально-культурные пределы.

По нашему мнению, необходимое решение может быть найдено в результате реконструкции истории происхождения сознания: «... История развития жизни... намечает нам путь, который привел к установлению и организации сознания...» [5, с.8] как фундаментального сущностного человеческого качества: «... Границей, отделяющей человека от животных, является сознание, а

точнее рефлексивное сознание ... » [6, с.18].

Это можно сделать только с помощью исторического метода, опираясь на убежденность в том, что сознание есть продукт осуществления некоего внутреннего фактора развивающегося предметного мира (материи), а не привнесено в природу как чужеродная данность откуда-то извне. Всё, что имеется в истории, всё есть продукты, генерируемые внутренним началом (сущностью) самого развивающегося мира: « ... У Аристотеля причиной производства и порождения является сущность ... » [3, с.156]. И если базовое фундаментальное отношение формы и материи понять как внутреннее начало (сущность) предметного мира, т.е. предельно расширить понимание самим Аристотелем этого отношения: « ... По Аристотелю, для нашего познания единичное бытие есть сочетание «формы» и «материи». В плане бытия «форма» - сущность предмета. В плане познания «форма» - понятие о предмете ... » [7, с.12], то можно утверждать, что уже на заре, в самом начале, при возникновении и в процессе становления предметного мира имело место некоторое *прото-сознание* как сущностная характеристика всего целостного предметного мира.

Но только в человеке оно полностью осуществилось и приобрело своё законченное универсальное порождающее существование.

Хиломорфизм и решение проблемы человека. В наше пост-индустриальное время пора уже признать, что привычное с античных времён разделение научных теорий на идеалистические и материалистические в корне ошибочно. Эту ошибку можно устранить, воспользовавшись концепцией аристотелевского хиломорфизма и распространив её на весь целостный предметный мир: « ... значение *хиломорфического* представления Аристотеля о душе и теле, как оно развито в *Трактате о душе* особенно, где отношение есть отношение формы к материи в конституции индивидуального организма ... » [8, с.17]. Для науки это будет означать, что изначально целостный мир и не материален (не реален), и не идеален. Мир изначально потенциально и актуально есть идеально-материальная целостность.

Просто особенность неживой природы состоит в том, что её внутреннее идеально-материальное начало сокрыто внешним материальным.

Это значит, что научную реконструкцию истории предметного мира следует начинать с конструирования его идеально-материальной сущности. И тогда логика реконструкции должна будет показать, каким образом исходно скрытое внутренне-идеальное постепенно выходит вовне и образует, наряду с реальной действительностью, действительность идеальную.

При этом процесс исторического развития идеально-материального мира следует рассматривать как процесс осуществления внутреннего принципа, внутренней хиломорфической сущности, в результате чего форма, исходно существовала только непосредственно с материей как со своим телом, своим носителем, своим субстратом, и была неотделима, неотторжима от неё, последовательно отделялась и отторгалась от своего субстрата и трансформировалась в относительно автономную, бес-субстратную, идеальную действительность.

Связь формы и материи как сущность предметного мира. Если интерпретировать хиломорфизм Аристотеля как утверждение формально-материальной сущности мира в целом, и распространить это положение на

весь целостный предметный мир, на все конкретно-исторические формы предметного мира, в том числе и на человека, то появляется возможность вывести сознание как сущность человека из сущности целостного предметного мира.

Как утверждает Alfredo Ferrarin в своей книге Hegel and Aristotle: « ... Для Аристотеля все, что исследуется, является соединением души и тела ... » [3, с.226]. Причём, « ... нераздельность души и тела является деятельностью ... » [3, с.343].

Если поверить этому выводу и принять во внимание, что всё же первичным для этого утверждения является положение об исходности единства формы и материи, то можно считать, что в качестве сущности предметного мира выступает генетически исходная первичная структура отношения формы и материи. Это означает, что в самом деле « ... «природа содержит Идею в самой себе» (Гегель)... » [3, с.401]. Причём, « ... Аристотель не выводит реальность из идеальности ... ». [3, с.299]. И реальность, и идеальность предметного мира изначально потенциально сосуществуют как равноправные компоненты его сущности.

И тогда можно говорить о том, что через эту структуру задана способность предметного мира к саморазвитию как превращению потенциальности в актуальность: « ... Для *всех* субстанций сущности являются причинами, делающими потенциальность актуальной; «непосредственная материя и форма являются одной и той же вещью, одна потенциальностью, другая – актуальностью» ... » [3, с.175].

Это саморазвитие представляет собой исторический процесс порождения предметным миром всё новых и новых своих форм, причём « ... каждая форма становится материей для более высокой формы ... » [3, с.404].

Для человека это означает, что « ... Человек делает себя тем, чем он должен быть ... » [3, с.305].

На исторической границе перехода от организма к человеку происходит такое качественное самоизменение сущности предметного мира, которое утверждает такое качественное отличие человека и человеческого мира от организма и мира животных, что: « ... Гегель отбрасывает вид обмана подобия между людьми и обезьянами: разрыв между человеком и животными является абсолютным, а не вопросом степени ... » [3, с.386].

Проблема возникновения первосущности предметного мира. Обычно в подобных случаях, при реконструкции процессов развития, возникает проблема начала. А именно, проблема первичной связи формы и материи. Понятно, что для научного синтеза не подойдёт указание на некое божественное происхождение такой первичной связи [9] [7]. В такой же степени мало подойдёт генетический механизм наследования этой первичной связи [2].

Необходимо «материалистическое» объяснение происхождения первичных форм и первичных субстратов. И такое объяснение есть: « ... Каким образом из хаоса может возникнуть структура? В ответе на этот вопрос ныне удалось продвинуться довольно далеко. Теперь нам известно, что неравновесность — поток вещества или энергии — может быть источником порядка ... » [1, с.36].

Традиция античности состояла в том, чтобы рассматривать материю в качестве пассивной, неактивной действительности [9] [7]. Такая же точка зрения переключива-

ла и в классическую науку: « ... парадокс классической науки. Она открыла людям мертвую, пассивную природу, поведение которой с полным основанием можно сравнить с поведением автомата ... » [1, с.45].

Но на самом деле природа изначально имеет некую активность, производительную способность. Уже И.Ньютон разделял эту точку зрения: « ... природа для Ньютона была не просто автоматом, а несла в себе активное производительное начало ... » [1, с.9]. Более того, в настоящее время считается, что « ... материя становится «активной»: она порождает необратимые процессы, а необратимые процессы организуют материю ... » [1, с.37].

На вопрос о том, откуда возникает форма, Аристотель давал такой ответ: « ... Откуда же в материи берется «форма»? ... то, из чего возникает «форма», не есть ни отсутствие «формы», ни уже возникшая, действительная «форма», а есть нечто среднее между отсутствием («лишённостью») «формы» и «формой» действительной. Это среднее между отсутствием бытия и действительным бытием есть, согласно Аристотелю, бытие «в возможности» ... » [7, с.14].

В отличие от Аристотеля (и само собой разумеется, Платона), которые считали, что « ... «форма» каждого предмета вечна: она не возникает и не погибает ... » [7, с.13]; « ... Аристотель настаивает, что формы не порождены ... , и что материя сама по себе непостижима ... » [3, с.165], современная синергетика утверждает обратное. А именно то, что сама материя несёт в себе возможности возникновения форм и при определённых условиях сама порождает свои формы, которые, в свою очередь, выступают в качестве детерминант её собственного развития: « ... Именно форма развития является фактором, непосредственно детерминирующим конкретный ход развития, превращение неопределённой изменчивости развивающегося объекта в непосредственные предпосылки нового и их реализацию ... » [10, с.33].

Отсюда следует, что, вообще говоря, бесформенной, бесструктурной материи в природе просто не существует: « ... Наличие пространственно-временной структуры является всеобщим и фундаментальным свойством материи ... » [11, с.17].

Таким образом, проблема первичной формы решается не привнесением её в предметный мир, материю извне, а порождением самой материей своих собственных форм, всех своих сущностей. При этом, такой механизм саморазвития действует на всех уровнях развития предметного мира: « ... на любом уровне, будь то теория элементарных частиц, химия, биология или космология, развитие науки происходит более или менее параллельно. В любом масштабе самоорганизация, сложность и время играют неожиданно новую роль ... » [1, с.51].

Это горит о том, что природа, предметный мир действительно являются причиной самих себя: « ... Под именем самопричины (causa sui) я [Б.Спиноза. – В.А.] подразумеваю то, сущность чего заключает в себе существование ... » [12, с.3].

Один из создателей современной синергетики, А.Р.Пригожин отмечает способность материи к самоорганизации как процессу порождения форм. Он « ... подчеркивает возможность *спонтанного* возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса *самоорганизации* ... ». [1, с.18]. Именно в результате самоорганизации материи приобретает раз-

нообразие и, тем самым, новые возможности: « ... именно организация наделяет систему присущим ей разнообразием ... » [1, с.24].

В основе способности к самоорганизации лежат так называемые диссипативные структуры. Считается, что в них возникают необратимые процессы, которые « ... являются источником порядка ... » [1, с.25].

« ... Ныне мы знаем, что вдали от равновесия могут спонтанно возникать новые типы структур. В сильно неравновесных условиях может совершаться переход от беспорядка, теплового хаоса, к порядку. Могут возникать новые динамические состояния материи, отражающие взаимодействие данной системы с окружающей средой. Эти новые структуры мы назвали *диссипативными структурами* ... » [1, с.54].

При этом, « ... необратимые процессы порождают высокие уровни организации ... » [1, с.25].

В неравновесных условиях кардинально меняется функция энтропии « ... энтропия — не просто безостановочное соскальзывание системы к состоянию, лишённому какой бы то ни было организации. При определенных условиях энтропия становится прародительницей порядка ... » [1, с.25]; « ... при неравновесных условиях энтропия может производить не деградацию, а порядок, организацию и в конечном счете жизнь ... » [1, с.26]; « ... представление об энтропии как об источнике организации означает, что энтропия утрачивает характер жесткой альтернативы, возникающей перед системами в процессе эволюции: в то время как одни системы вырождаются, другие развиваются по восходящей линии и достигают более высокого уровня организации ... » [1, с.26].

Таким образом, синергетика даёт нам основания считать, что материя при определённых условиях порождает собственные формы, которые детерминируют её собственное существование.

Акт развития (саморазвития) материи теперь можно представить следующим образом: « ... Согласно теории изменения, проистекающей из понятия диссипативной структуры, когда на систему, находящуюся в сильно неравновесном состоянии, действуют, угрожая ее структуре, флуктуации, наступает критический момент — система достигает точки бифуркации. ... в точке бифуркации принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдет система. Случайность подталкивает то, что остается от системы, на новый путь развития, а после того как путь (один из многих возможных) выбран, вновь вступает в силу детерминизм — и так до следующей точки бифуркации ... » [1, с.28].

Представляется замечательным вывод, который делают авторы. Он прямо направлен против биологической или социальной редукции человека, что очень важно с точки зрения решения заявленных нами в начале статьи проблем: « ... Авторы теории предостерегают против принятия генетических или социо-биологических объяснений загадочных или малопонятных сторон социального поведения. Многое из того, что обычно относят за счет действия тайных биологических пружин, в действительности порождается не «эгоистичными» детерминистскими генами, а социальными взаимодействиями *в неравновесных условиях* ... » [1, с.29].

Очень важен, по нашему мнению, методологический вывод, который далее делают авторы: « ... В наши дни основной акцент научных исследований переместился с субстанции на отношение, связь, время ... » [1, с.49]. Вот

этот акцент и является нашей путеводной звездой при решении проблемы порождающей свои формы человека.

Одновременно возникает перспектива для решения актуальной для нашего времени проблемы соотношения естественнонаучного и гуманитарного подходов: « ... столкновение между тем, что часто принято называть «двумя культурами», — между естественными науками и гуманитарным знанием ... » [1, с.52].

История как процесс превращения субстратной связи в рефлексивное отношение. Исходным для анализа истории происхождения сознания является положение о мире как изначально имеющем внутреннюю и внешнюю форму уже в самом начале процесса собственного исторического развития. Собственно говоря, само историческое развитие могло начаться только тогда, когда сложилась эта сущность мира как базовое отношение (вначале как непосредственная связь) формы и материи.

Это есть, собственно, следствие интерпретированной концепции хиломорфизма Аристотеля [7], которая, утверждает в качестве сущности всего сущего и предметного мира в целом базовую структуру соотносящихся между собой формы и материи. Если вспомнить так и незаконченную «Диалектику природы» Ф.Энгельса [4], то можно принять во внимание то, что материя проходит в своём развитии, в своей исторической эволюции определённые этапы собственно развития, Это так называемые исторические формы (предметного) мира (механическая форма предметного мира, физическая форма предметного мира, химическая форма предметного мира, биологическая форма предметного мира, социальная форма предметного мира и т.д.).

Причём, « ... более высокий вид содержит в себе более низкий, и что более низкий существует потенциально в том, который наступает после ... » [3, с.333].

Каждая историческая форма предметного мира характерна тем, что её единство (тотальное родство всех её частных единичностей) обеспечивается его внутренней формообразующей сущностью. Именно эта внутренняя потенциальная оформленность позволяет говорить об общем способе существования конкретно-определённых элементов материи.

Каждая форма предметного мира имеет свою особую внутреннюю сущность (внутреннюю форму). Эта внутренняя форма обуславливает характерную внешнюю форму, которая представляет собой особый тип взаимодействия характерных объектов

На 'этапах неживой природы внутренняя форма предметного мира существует непосредственно внутри внешней формы, непосредственно слитно со своей внешней формой, неотторжимо от своей внешней формы, не имеет собственной автономной действительности и скрыта внешней формой от познания. Здесь внутреннюю форму (принцип взаимодействия неживых объектов) в принципе нельзя отделить от её внешней формы, не разрушив самого предметного мира.

На этапах живой природы внутренняя форма существует уже не как форма субстрата тела, а как форма активности тела. Её внешней формой становится реальная форма активности живого существа, его реальные процессы поведения и их реальные результаты. При этом, внутренняя форма активности детерминирована внутренней формой субстрата живого тела (его структу-

рой). Форма активности живого тела существует в форме тела как в своём субстрате активности, определяется формой субстрата тела. Без своего субстрата, вне тела форма активности существовать не может. Разрушив форму тела, мы разрушим форму активности тела. Форма активности живого тела неотторжимо от формы живого тела. Форма активности непосредственно совпадает с формой тела, представляет с ней одно и то же. Форма субстрата тела и есть субстрат формы его активности.

Эту непосредственную субстратную связь формы активности и формы живого тела нельзя разорвать не разрушив самого тела. Т.е. не убив живое существо.

С возникновением в истории человека, эта непосредственная связь формы активности и формы живого тела разрывается. Но разрыв непосредственной субстратной связи не означает разрыв с природой, а освобождение от зависимости от неё: « ... Это освобождение не является освобождением от природы, но от нашей зависимости от ее непосредственности и внешности ... » [3, с.356].

Целесообразная активность организма превращается в **целесообразную деятельность человека**. Субстратная связь превращается в бессубстратное отношение, опосредованное деятельностью рефлексивного сознания, В свою очередь, опосредующая деятельность сознания производит и воспроизводит идеальную сферу, в которой теперь уже существует оторванная от действующего тела форма его деятельности.

Сознание как рефлексивное отношение идеальной и реальной форм деятельности. Как уже отмечалось выше, « ... В наши дни основной акцент научных исследований переместился с субстанции на отношение, связь, время ... » [1, с.49]. Такая позиция очень близка нашему исследовательскому подходу. В связи с этим, сразу следует заметить, что мы рассматриваем сознание как отношение. Но это не отношение *к действительности* (гносеологическое), а отношение *внутри самой действительности* (онтологическое): « ... Сознание — это не знание о бытии и не отношение к нему, а само осознанное (значит, не инстинктивное, как у животных) бытие ... » [6, с.181].

При этом « ... Человек существует как человек, как субъект деятельности, направленной на окружающий мир и на самого себя, с тех пор и до тех пор, пока он активно производит и воспроизводит свою реальную жизнь в формах, *созданных им самим*, его собственным трудом ... » [15, с.219-227].

Такая точка зрения неизбежно следует из признания в качестве сущности предметного мира и человека генетически исходного базового отношения формы и материи (идеальности и реальности).

Таким образом, мы считаем, что проблема сознания должна быть решена не как гносеологическая (эпистемологическая; проблема познания), а как проблема онтологическая, бытийная.

Как и всё в предметном мире, развивается, трансформируясь и его сущность. Будучи исходно субстратной связью формы и материи, на переходе от организма к человеку она преобразуется в отношение идеальной и реальной форм его существования. И если под бытием человека понимать его деятельность, действие: « ... Истинное бытие человека ... есть его действие ... » [16, с.172] « ... что человек делает, таков он и есть ... » [17, с.154], то сущностью человека, выражающей сущность предметного мира, становится внутреннее отношение

идеальной и реальной форм его предметной деятельности.

Таким образом, сознание как отношение идеальной и реальной форм внутри человеческого бытия воспроизводит генетически исходное отношение формы и материи внутри бытия предметного мира.

Есть определённый смысл рассматривать сознание как отношение. Этот смысл заключается в следующем.

Во-первых, в этом случае сознание становится содержательным критерием отличия человека от всего остального живого и неживого мира.

Во-вторых, сознание приобретает сущностный статус, относящийся с сущностью целостного предметного мира.

В-третьих, сознание как рефлексивная деятельность выступает в качестве механизма порождения идеальных форм из реальных форм и механизма детерминации реальных форм идеальными формами.

В-четвёртых, раскрывается внутренняя механика происхождения идеальной действительности.

Но для того, чтобы внутреннее отношение предметного мира приобрело статус человеческого сознания, истории необходимо было разорвать исходную субстратную связь формы и материи и трансформировать её в рефлексивное отношение идеальной и реальной форм целенаправленной деятельности.

Именно в этой исторической точке бифуркации целесообразная активность претерпела качественное преобразование и была преобразована в человеческую целенаправленную деятельность: «... деятельность никоим образом не есть особенная форма активности (например, «человеческая форма» её и т.п.). К деятельности нельзя прийти, пытаясь сконструировать её из активности, как бы мы ни изошрялись ...» [18, с.169].

Проблема сознания - это не только проблема возникновения сознания в истории, но может быть не менее важная проблема - это проблема возникновения сознания в онтогенезе. Проблема онтогенеза сознания - эта та проблема, которая для современной психолого-педагогической науки, наш взгляд, является важнейшей.

Так же, как и в истории, в онтогенезе сознания главной является проблема начала. В этом смысле работы Пригожина проливают свет на возможное решение. По крайней мере, становится ясным, что в самом начале онтогенетического пути следует организовывать необратимые процессы и, тем самым, формировать так называемую «*стрелу индивидуального времени*» (Фернан Бродель).

В отличие от «бесчеловечных» концепций Ч.Дарвина и З.Фрейда, настоящая статья утверждает и обосновывает особую роль человека в истории природы. Его качественное отличие от остальных живых существ. Работы Ч.Дарвина и З.Фрейда фактически низвели человека до положения организма. И если Ч.Дарвин прямо пишет об этом: «... Обезьяны разделились потом на две большие ветви: обезьян Старого и Нового Света. От первых же произошел в отдаленный период времени человек ...». [19, с.273], то З.Фрейд манипулирует понятием бессознательного, которое по содержанию представляет собой не что иное, как хранилище животных инстинктов: «... Я думаю, что следует различать два вида первичных позывов, из которых один - *сексуальные инстинкты*, или Эрос Гораздо труднее было для нас определение второго вида первичных позывов ... , На основе теорети-

ческих, опирающихся на биологию, размышлений мы предположили наличие *инстинкта смерти* [20, с.73].

Заключение. На самом же деле, человек, в отличие от всех живых существ, способен (благодаря своему разуму) произвольно создавать условия для возникновения новых форм, тем самым, преодолев адаптивную природу животных. В то время как остальные существа лишь пассивно (непроизвольно) участвуют в процессе возникновения новых форм, полностью подчинённые стихии внешних условий: «... В природе (неорганической и органической) превращение возможности в действительность происходит стихийно [21, с.271].

На самом деле «... от обезьяны происходит не человек как субъект (или, точнее, не весь человек), а лишь его органическая телесность. Как субъект же человек происходит не только и даже не столько от обезьяны, сколько от всего Бытия, от его универсально всеобщих определений и их универсальной логики - диалектики [22, с.499].

Тем не менее, всё это не означает, что человек контролирует вероятностные необратимые процессы. Просто он контролирует условия их возникновения.

Послесловие. Новизна моего предложения состоит в том, чтобы понять сознание *не как внешнее отношение* к предметному миру, в как *внутреннее отношение* в самом предметном мире.

Из этого следует, что необходим механизм конструирования человеком форм своего существования.

Но в первую очередь необходимо теоретическое обоснование возможности такого механизма.

Анализ истории науки показывает, что формы своего существования индивидуальный человек всегда получал извне, как определённые когнитивные проекции существующей вне и независимо от него гиперформы, недоступной для индивидуального конструирования.

И только хиломорфизм Аристотеля даёт теоретическую возможность форме возникать одновременно с человеком. Но механизм возникновения формы у Аристотеля описан туманно, не конкретно и неясно. Требуется его существенное уточнение.

Кроме того, у Аристотеля есть две как будто бы противоречащие друг другу точки зрения. С одной стороны, форма, не способна существовать вне и независимо от тела; с другой стороны, форма способна существовать вне и независимо от тела.

Для себя я делаю вывод о том, что эти обе точки зрения абсолютно верные, но они характерны для различных этапов эволюции.

Формы, неотделимые от тела и «*вмонтированные*» в *реальность субстрата* тела, характерны для организмов растений и животных. А «автономные» формы, не являющиеся реальными и находящиеся *в отношении к реальности субстрата* тела, характерны для человека.

Такое *отношение идеальных и реальных форм*, которое возникает одновременно с возникновением человека, *и есть рефлексивное сознание*.

Сознание представляет собой деятельность рефлексии [*Tätigkeit*, а не activity, не активность организма], целью которой являются идеальные формы, а её результатом - реальные формы.

С этой точки зрения, сознание есть креативный механизм создания идеальных форм, которые, в свою очередь, выступают как детерминанты реальных форм.

Человек, обладающий сознанием, способен создавать

идеальные формы как свои новые возможности, а затем детерминировать ими реальные формы своего существования.

Такое понимание сознания ставит новые задачи, которые требуют нестандартных решений.

Но понимание сознания как рефлексивного отношения между идеальными и реальными формами открывает новые возможности для конструирования технологий креативного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./Общая ред. В.И.Аршинова, Ю.Л., Климонтовича и Ю.В.Сачкова. – М.,: Прогресс, 1986. – 432 с.
2. Философская энциклопедия. т.5. М., 1970. – 740 с.
3. Ferrarin, A. (2004) Hegel and Aristotle. Boston university. The Pitt Building, Trumpington Street, Cambridge, United Kingdom. – 430 с.
4. Шкуратов В.А. Новая историческая психология: монография / В.А.Шкуратов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – 208 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. — МН.: Харвест, 1999. —1408 с.
6. Слободчиков В.И., Исаев Е. И. Психология человека. М.,1995. - 384 с.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. Рт. В.Ф.Асмус. М., Мысль», 1976. – 559 с.
8. Tracy, T.S.J. Two Views of Soul: Aristotle and Descartes. University of Illinois at Chicago. *Illinois Classical Studies* Vol. 11, No. 1/2, Problems of Greek Philosophy (SPRING/FALL 1986), pp. 247-264.
9. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I/Общ. ред. А.Ф.Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф.Лосев; Примеч. А.А.Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.:Мысль, 1990.– 860 с.
10. Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: Общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку,1991. - 317 с.
11. Эбелинг В.Образование структур при необратимых процессах. Введение в теорию диссипативных структур. Перевод с немецкого А.С.Доброславского, под редакцией проф. Ю.Л. Климонтовича. Издательство «Мир». Москва, 1979. – 279 с.
12. Спиноза Б. Этика. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. - 336 с.
13. Хакен Г. Синергетика. Перевод с английского канд. физ.-мат. наук В.И.Емельянова, под редакцией д-ра физ.-мат. наук, проф. Ю. Л. Климонтовича и д-ра физ.-мат. наук С.М.Осовца. Издательство «Мир», Москва, 1980. – 405 с.
14. Энгельс Ф. Диалектика природы. Государственное издательство политической литературы., Москва, 1953. – 331 с.
15. Ильенков Э.В. Идеальное / Философская энциклопедия. Т.2. М.,1962. - 576 с.
16. Гегель. Система наук. Ч.1. Феноменология духа. М.,1959. – 329 с.
17. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления Тбилиси,1973. – 277 с.
18. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. – 317 с.
19. Дарвин Ч. Сочинения, т.5. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. Под редакцией академика Е.Н.Павловского. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1953. – 1041 с.
20. Фрейд З.«Я и Оно (сборник)»: Эксмо; Москва; 2015. – 151 с.
21. Философская энциклопедия. т.1. М., 1960. – 504 с.
22. Диалектическая логика.т.2 (А.А.Хамидов). Алма-Ата,1987. - 437 с.

REFERENCES

1. Prigozhin, I., Stengers, I. (1986) Order from chaos: New dialog of the person with the nature: The lane with the English/general edition of V.I. Arshinov, Yu.L. Klimontovich and Yu.V. Sachkov. – Moscow: Progress. – 432 p.
2. Philosophical encyclopedia (1970). v.5. Moscow. – 740 p.
4. Shkuratov, V.A. (2009) New historical psychology: monograph / V. A. Shkuratov. –Rostov n / D: SFU publishing house. – 208 p.
5. Bergson, A. (1999) Creative evolution. Matter and memory: Tr. with fr. — MN.: Moscow, Harvest. — 1408 p.
6. Slobodchikov, V.I., Isaev E.I. (1995) Psychology of the man. Moscow. - 384 p.
7. Aristotle. (1976) Works in four volumes. v.1. Red. V.F.Asmus. Moscow, Thought. – 559 p.
8. Plato. (1990) Collected works in 4 v.: v.I / general edition of A.F. Losev, etc; – Moscow: Thought. – 860 p.
9. Abbasov, A. (1991) Complexity. Time. Synergetics: General-theoretical analysis of problems of complexity and development of complex systems. Baku. – 317 p.
10. Ebeling, W. (1979) Formation of structures in irreversible processes. Introduction to the theory of dissipative structures. Translation from the German A.S.Dobroslavsky, under edition of the prof. Yu.L.Klimontovich. Mir publishing house. Moscow.–279p.
11. Spinoza, B. (2001) Ethics. - insk.: Harvest, Moscow: AST, 2001. - 336 p.
12. Haken, G. (1980) Synergetics. Translation from English by V.I.Yemelyanov's, under edition of the Dr., prof. Yu. L. Klimontovich and Dr. S.M. Ovtsov. Mir publishing house, Moscow. – 405 p.
13. Engels, F. (1953) Dialectics of nature. Gospolitizdat, Moscow. – 331 p.
14. Ilyenkov, E.V. (1962) Ideal / Philosophical encyclopedia. T.2. Moscow. - 576 p.
15. Hegel. (1959) System of science. P.I. Spirit phenomenology. Moscow. – 329 p.
16. Megrelidze, K.R. (1973) Main problems of sociology of thinking. Mzniebeba, Tbilisi. – 277 p.
17. Batishchev, G.S. (1997) Introduction to creativity dialectics. St. Petersburg. – 317 p.
18. Darwin, H. (1953) Works, v.5. The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex. The Expression of the Emotions in Man and Animals. Under edition of the academician E.N.Pavlovsky. Publishing house of Academy of Sciences of the USSR. Moscow. – 1041 p.
19. Freud, Z. (2015) «The Ego and the Id (collection)»: Eksmo; Moscow. – 151 p.
20. Philosophical encyclopedia (1960) . v.1. Moscow. – 504 p.
21. Dialectic logic. (1987) v.2 (A.A.Khamidov). Alma-Ata. – 437 p.

Consciousness as a problem of the psychological science

V. V. Ageyev

Abstract. The article discusses the problem of the genesis of consciousness as the ontological characteristics of a person. On the basis of the interpreted concept of hylomorphism (Aristotle) and the theory of change (Prigozhin), it is suggested that the matter, the objective world are originally capable of self-organization and self-formation. It is reasoned that, unlike as suggested by the views of Plato and Aristotle, self-formation gives to the matter, the objective world the ability to generate both *ens originarium* (primordial being) (genetically original relations between the form and the matter) and *ens summum* (entities of higher order). Based on above, it is concluded that the consciousness of a person is a relation between an ideal and a real forms of the objective activity as his/her existence and represents the highest being of the objective world.

Keywords: *consciousness, self-formation, primordial being, genetically original relation, hylomorphism, substrate relation, reflexive relation.*